

ценностей, и старухи стоном вздыхали и вскрикивали» и т.д. (Новый мир. 1968. № 10).

Но, как ни удивительно, именно тогда, во второй половине 1960-х годов, в литературе начинается медленное, но непобедимое воскрешение духовности. И вот уже в 1969 году всю жизнь специализировавшийся на «разоблачениях» и доносах А. Дементьев в бессильной злобе кричит со страниц «Нового мира», что ныне «целый хор поющих в унисон критиков и поэтов с таким усердием разрабатывает тему об уважении к старине именно как церковную тему» (1969, № 4).

Позднее страстный поклонник «Нового мира» (о чем он не раз писал) академик А. Д. Сахаров весьма резко выступил против тех (прежде всего А. И. Солженицына), кто возлагает надежды на возрождение православия. Он заявил, что это устремление есть якобы «националистическая и изоляционистская направленность» и «религиозно-патриархальный романтизм», которые являются «утопичными и потенциально опасными» (Андрей Сахаров. О стране и мире. Нью-Йорк, 1976. С. 119). То есть «опасность» усматривалась не в продолжающихся жестоких атаках воинствующих атеистов, а в дальнейшем воскрешении православия...

Ныне многое, к счастью, изменилось и в жизни, и в сознании людей. И подобные нападки на православие едва ли смутят теперь народ.

Принимая во внимание все это, мы можем и должны читать опубликованные выше документы не как очередную «чернуху»; мы можем и должны научиться видеть эту трагедию так, как видели ее глаза создававшего свое великое творение Павла Корина...

К спорам о «русском национальном сознании»

Публицист А. Стреляный опубликовал на страницах «Литературной газеты»¹ по-своему прямо-таки замечатель-

ное сочинение с многозначительным подзаголовком «Мысли о русском национальном сознании». Уже, как говорится, «во первых строках» автор заявляет: «Почти все (чтобы не сказать *все*) *русские идеи* пришли к нам с Запада», – если и не от иностранцев, то по крайней мере от эмигрантов. И, читая сочинение Стреляного, не ведаешь, чему более удивляться – редкостному незнанию истории или же уникальной непродуманности «концепции».

Стреляный утверждает, например, что московские славянофилы в своих идеях «последовали»-де за Гегелем и гегельянами. Верно здесь лишь то, что *будущие* славянофилы в 1820-х годах глубже и полнее, чем кто-либо в тогдашнем мире, знали и ценили германскую философию – этот высший взлет *общечеловеческой* мысли на рубеже XVIII–XIX веков. Когда в 1830 году (13 марта) совсем еще молодой, двадцатитрехлетний Иван Киреевский – впоследствии один из основоположников славянофильства – явился к Гегелю и проговорил с ним до полуночи, он произвел столь сильное впечатление на достигшего своих высот шестидесятилетнего германского гения (который, напомню, через год скончался), что тот на следующее утро отправил к русскому юноше посыльного с приглашением вновь посетить его. Однако ни лекции Гегеля, ни волнующие беседы с ним явно не пробудили в Киреевском каких-либо «русских» идей: вернувшись на родину, он взялся издавать журнал с совершенно недвусмысленным названием «Европеец» (и лишь в 1840-х годах согласился редактировать журнал «Москвитянин»).

Далее, как ни странно, Стреляный – это непреложно явствует из его сочинения – убежден, что «русское национальное сознание» до славянофилов не существовало вообще... А ведь мощным и глубоким воплощением этого самого «сознания» (в определенных отношениях более мощным и глубоким, чем все высказанное славянофилами XIX века!) было уже созданное в первой половине XI века, то есть за восемь столетий (!) до Киреевского, «Слово о законе и Благодати» Илариона...

И тот же Киреевский начал развивать «русские идеи» отнюдь не в результате изучения германской философии и общения с Гегелем, а лишь после того, как во второй половине 1830-х годов он приобщился к духовной жизни столь знаменитой впоследствии Оптиной пустыни. Там он встретился с великими *старцами* Макарием и Леонидом и стал изучать богатейшее собрание древних рукописей, среди которых были, в частности, творения крупнейших русских мыслителей конца XV – начала XVI века Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

В первом же своем выражающем «русские идеи» труде, написанном в 1839 году, Иван Киреевский говорил², что именно в России (а не в германской философии) «собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия Христианства, которая одна может дать правильное основание наукам», – собиралось и жило «в тишине наших монастырей... Эти святые монастыри, – писал Киреевский, – рассадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все условия будущего самобытного просвещения».

Можно, конечно, не соглашаться с этими мыслями Киреевского и других славянофилов, но по меньшей мере недостойно «выводить» их зрелое мирозерцание из Гегеля. Стреляный, вероятно, не помнит, когда и как засело в его голове это представление, а между тем можно дать совершенно точный ответ: он почерпнул его из каких-то отголосков «разгромных» выступлений сталинских времен, когда, кстати сказать, реакционерами или даже мракобесами были объявлены не только Киреевский с Хомяковым, но и Гегель с Шеллингом.

Так, известный разоблачитель тех времен А. Г. Дементьев (позднее – заместитель главного редактора «Нового мира») вещал в 1951 году³, что, мол, славянофильство попросту «подбирало в Западной Европе крохи реакционных философских и социальных идей».

Словом, «концепция» происхождения славянофильства, предложенная Стреляным, исходит не из исторической ре-

альности, а из тех малопочтенных идеологем, от которых сам Стреляный вроде бы отрешивается...

Столь же несерьезен и настойчиво выдвигаемый Стреляным тезис, согласно которому и *современные* «русские идеи» пришли опять-таки с Запада – «из среды русских эмигрантов». Вот, скажем, Стреляный пытается уверить читателей в том, что понятие о «руссофобии», и в особенности о «руссофобии русских», возникло-де после 1917 года в эмиграции.

Между тем еще за полвека до революции, в 1867 году, Тютчев (а он был не менее гениальным мыслителем, чем потом) писал⁴: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это *руссофобия* некоторых русских людей – кстати весьма почитаемых. Раньше (т.е. во времена Николая I. – *В. К.*) они говорили нам... что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается (имеются в виду кардинальные реформы 1860-х годов. – *В. К.*), нелюбовь к ней этих господ только *усиливается*. В самом деле прежние (т.е. эпохи Николая I. – *В. К.*) установления никогда не вызывали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной мысли в России (имеются в виду славянофильство, «почвенничество» во главе с Достоевским, «консерватизм» Льва Толстого и Лескова и т.п. – словом, *высшие* явления русской – и мировой – культуры того времени. – *В. К.*). И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе (а это эпоха Наполеона III и Бисмарка! – *В. К.*), нисколько не уменьшили их пристрастия к ней... Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть и речи».

Если бы я не упомянул, что это написано Тютчевым, едва ли кто-нибудь усомнился, что это написано сегодня...

Таким образом, относить зарождение борьбы с «русофобией» ко временам писательства белого генерала Краснова – значит, простите, обнаруживать элементарное невежество. И совсем уже «замечательна» следующая «формулировка» Стреляного: «Важнейшим, бездонным источником русофобии было и остается отвращение к большевизму». Те «русофобы», которых имел в виду Тютчев, так или иначе являли собой как раз признанных «предшественников» большевизма... Короче говоря, нельзя же до такой степени «перевертывать» реальность наизнанку! Впрочем, это закономерный результат полнейшего невежества.

Но обратимся к *послереволюционным* временам, когда, если верить Стреляному, носителями «русского национального сознания» являлись некие, по его определению, «темные, но любознательные райкомовцы». Признаться, я впервые слышу об этих, без сомнения, героических (сам Стреляный называет их «самоубийцами») личностях из нижних эшелонов аппарата ВКП(б). Но допустим, что Стреляный располагает какой-то информацией об этих людях, осмелившихся противостоять верхушке ВКП(б) с ее крайне русофобскими «идеями».

Хорошо известно, что, скажем, Троцкий постоянно «изничтожал» Россию, утверждая⁵, например, что «опрокинутая Октябрьским переворотом культура представляла собой, в конце концов, лишь поверхностное подражание более высоким западным образцам (насколько «живуча» эта позиция, показывает нынешнее «выведение» Стреляным славянофилов не из тысячелетнего русского православия, а из Гегеля. – В. К.). Она не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества».

Сталин в то же самое время вещал⁶: «История старой России состояла в том, что ее непрерывно били». И сие нелепейшее утверждение (оно уместно только в чисто пародийном смысле – так, мол, били эту самую Россию, что она со страху разбежалась от Балтики до Тихого океана, от Арктики до Тянь-Шаня) Валентин Катаев сделал лейтмотивом сво-

его некогда популярного и не так давно экранизированного романа «Время, вперед!» (1932).

Бухарин заявлял в возглавляемых им «Известиях»⁷ 21 января 1936 года: «Нужны были именно большевики, чтобы из аморфной, малосознательной массы в стране... где господствовала нация Обломовых, сделать “ударную бригаду” мирового пролетариата». Замечательно, что старый друг Бухарина Илья Эренбург вторил ему⁸ не только в 1930-х годах, а и в 1960-х годах, и не где-нибудь, а на страницах вроде бы культурного «Нового мира».

«В двадцатые годы, – писал он, – еще доживала свой век старая, крестьянская Расея (именно так, издевательски... – В. К.). Начало тридцатых годов стало переломом... эмбрионы людей постепенно становились настоящими людьми». Итак, Россию до «великого перелома» населяли всего лишь «эмбрионы» людей. И в «Новом мире» никто не дрогнул от столь дикого русофобства...

Если собрать подобные высказывания одних только наиболее влиятельных идеологов и литераторов 1920–1960-х годов, даже и они составили бы несколько объемистых томов. Однако те русские писатели и мыслители 1920–1960-х годов, которые действительно останутся в истории отечественной культуры, всем существом своим противостояли этой агрессивнейшей русофобии, – пусть они и имели слишком мало возможностей высказать свои взгляды открыто.

Когда находившийся еще на самой вершине власти Бухарин напечатал громадными тиражами свои оголтело русофобские «Злые заметки», Пришвин писал Горькому (21 февраля 1927 г.) о чувствах «горечи и возмущения, и унижения», которые причинил ему «один из виднейших лиц, написавший... хулиганскую статью о Есенине» (основные «идеи» коей Бухарин повторил и в своем докладе на съезде писателей в 1934 году). Слово «хулиганская» может показаться чем-то, так сказать, не «адекватным». Но это во все не личная особенность восприятия, характерная именно для Пришвина. Один из крупнейших русских мыслителей

советского периода, ученик великих мыслителей начала века, прошедший через ГУЛАГ А. Ф. Лосев (1893–1988) писал еще в те времена⁹ (текст этот, понятно, был опубликован лишь в наши дни):

«Каким именем назовем эту великую и страшную, эту всемогущую и родную для человека стихию, когда он чувствует себя не просто в физическом родстве с нею, а именно главным образом в духовном и социальном родстве с нею, когда он знает для себя такое общее, которое, несмотря на свою общность, содержит в себе бесконечное богатство индивидуального; когда это общее и есть он сам, в своей последней и интимной сущности?»

Это есть *Родина*».

Вдумаемся в это глубокое размышление о родине, к которому, конечно же, присоединится каждый русский человек, обладающий духовным здоровьем. И дальше А. Ф. Лосев не мог не сказать (сразу же после заветного слова «Родина»):

«Сколько связано с этим именем всякого недоброжелательства, даже злобы, хуления, ненависти... Водворились презрительные клички: “квасной патриотизм”, “ура-патриотизм”, “казенный оптимизм” и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием... По адресу родины стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери в устах разложившейся и озлобленной шпаны».

Это написал не некий «райкомовец» (вспомним «открытие» Стреляного), а русский мыслитель мирового значения. И его слова превосходно характеризуют тогдашнюю ситуацию (1920–1930-х годов) и вместе с тем сохраняют вполне живое значение сегодня.

Как ни прискорбно, есть немало сбитых с толку русских людей, которые знают, что А. Ф. Лосев – это высший духовный авторитет, но в то же время неспособны, пользуясь ахматовским словом, «замкнуть слух»¹⁰ от воплей идеологической и литературной «шпаны», которая и сегодня на все

лады поносит Родину. Ахматова сказала в одно время с Лосевым о том же самом:

Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела,
Я знала: это все мое –
Душа моя и тело.¹¹

И вполне понятно, что под только что приведенным пронзительным и гневным признанием Лосева могли бы подписаться и Пришвин, и Флоренский, и Михаил Булгаков, и Платонов, и Пастернак, и Клюев, – да и любой из истинных деятелей великой русской культуры этого времени.

Многие даже образованные читатели всего этого просто не знают, – в частности, потому, что в печати постоянно практикуется разного рода грубая фальсификация. Так, скажем, в объемистой книге А. Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре» (1989) можно прочитать:

«Осенью 1936 года в доме Булгаковых были поражены разгромом “Богатырей” в Камерном театре по причине “глумления над крещением Руси”. В 1939 году ура-патриотические тенденции стали официальной доктриной режима».

Тот, кто будет судить о сути дела только по этому тексту, неизбежно придет к выводу: Булгаковы возмущаются «разгромом» спектакля в Камерном театре. В действительности все было как раз наоборот. Булгаковы побывали на генеральной репетиции «Богатырей», представлявших собой мерзкое издевательство той самой «шпаны» и над героями русского эпоса, и над великим событием принятия христианства. Вот записи в дневнике Е. С. Булгаковой: «2 ноября 1936 года. Днем генеральная “Богатырей” в Камерном. Это чудовищно позорно... 14 ноября. Утром Миша сказал: “Читай” – и дал газету... “Богатыри” снимаются, в частности, за глумление над Крещением Руси. Я была потрясена» (событие было особенно отрадно, так как все, относящееся к церкви, ранее беспощадно подавлялось). Спектакль «Богатыри»,

главными «творцами» которого были Таиров-Корнблит и Демьян Бедный-Придворов, являлся, если мыслить о нем в булгаковских образах, как бы совместной стряпней Швондера и Шарикова или же Берлиоза и еще не «прозревшего» Ивана Бездомного. «Богатыри», так сказать, перешли все границы в оплевывании Родины, и после снятия спектакля Булгаков – его можно понять! – проникся надеждой на действительное поражение непрерывно травившей и русскую культуру, и его лично «шпаны» и вскоре, 23 ноября, начал работать над рукописью, названной им «О Владимире», то есть Крестителе Руси (тогда же он написал либретто оперы «Минин и Пожарский»; об этих героях отечественной истории незадолго до этого «шпана» печатала такие стишонки: «Я предлагаю Минина расплавить, Пожарского... Довольно нам двух лавочников славить... Подумаешь – они спасли Расею. А может, лучше б было не спасать?»).

* * *

Ныне многие пытаются доказывать, что наметившийся к середине 1930-х годов поворот к «патриотизму» (разрешение изучать историю России – что было в 1920-х годах запрещено как «контрреволюционное» занятие, та же резкая критика «сверху» позорного «мюзикла» «Богатыри» и т.п.) был одним из выражений «сталинизма». Верно здесь лишь то, что явно приближавшаяся военная гроза заставляла власти задумываться над тем, что же будет защищать народ. Но совершенно ложно представление, согласно которому тогдашние власти действительно «поощряли» подлинное национальное сознание.

Чтобы ясно увидеть всю лживость этой версии, взглянемся в судьбу основных «попутнических» литературных группировок, существовавших к 1930-м годам (и распущенных в 1932-м). Это – лэфовцы, конструктивисты, имажинисты, Серапионовы братья, так называемая «южнорусская школа», «перевальцы» и крестьянские писатели «есенинского круга».

Русским национальным сознанием были проникнуты только две последние группировки (надо, правда, уточнить, что речь идет не о «Перевале» вообще, а об одном его крыле, во главе которого был Иван Катаев; уже в 1920-х годах это «крыло» обличалось как «неославянофильское»; в него, кстати сказать, входили двое крестьянских писателей, сподвижников Есенина и Клюева, – И. Касаткин и В. Наседкин).

Иван Катаев, прекрасный, хотя и не успевший развернуть свой самобытный дар (он был арестован в тридцатичетырехлетнем возрасте) прозаик, обладал высоким национальным сознанием. Выживший в ГУЛАГе второстепенный участник «Перевала» Н. Смирнов вспоминал в 1970 году¹²: «Катаев жил в непрерывном труде... много думал, проявляя, в частности, большой интерес к славянофильству, внимательно изучая, в этой связи, Ап. Григорьева, К. Леонтьева, “Россию и Европу” Н. Данилевского. Считая русский народ одним из самых великих и талантливых в мире, Катаев, однако, не был националистом, он... всячески ратовал за братство и дружбу всех наций».

После появления цитированной выше статьи Бухарина, где речь шла о «нации Обломовых», Иван Катаев говорил, обращаясь к деятелям культуры¹³:

«Есть великий русский народ... И уж, конечно, “нация Обломовых” не могла бы создать ни русской культуры, ни драгоценного русского искусства, ни даже романа “Обломов”...» Иван Катаев выступил против тех, кто такие его мысли «заклеймил бы как проявление народничества, славянофильства, русопятства или пустил бы в ход еще более крепкие слова», и призвал «воспитывать в себе горячую и деятельную любовь, сыновнюю привязанность к своей родной национальной культуре... Есть, есть у нас люди, которые... национального-то корня не имеют вовсе – я разумею только в культурном смысле. Странная это, скучная и бесплодная публика. Никогда не было у нее связей ни с одним народом... Что же она может создать?..»

А теперь обратимся к судьбе «неославянофильского» крыла группы «Перевал» (это более десяти писателей, в основном молодых) и близких им «крестьян» (опять-таки более де-

сяти писателей – от Клюева до Павла Васильева). Они были тогда репрессированы *все* – буквально все, – кроме переставшего с 1933 года печататься, как бы легшего на дно Пимена Карпова... А между тем *из пяти десятков* основных участников перечисленных выше пяти группировок, далеких от «русских идей», репрессированы были всего *только двое* писателей – левовец С. Третьяков и представитель «южнорусской школы» И. Бабель (к тому же роковую роль здесь сыграли отнюдь не какие-либо убеждения Бабеля, но тот факт, что он в свое время служил в ВЧК, а в 1936–1938 годах был близок с самим Ежовым, даже встречал в его квартире Новый год и был арестован в одно время с ним).

Обо всем этом я подробно говорил в своей изданной в 1990 году книге «Судьба России»¹⁴. Но и так ясно: те, кто полагает, что Сталин поддерживал-де «национально мыслящих» русских писателей, должны либо отказаться от этого представления, либо же прийти к выводу, что репрессии против писателей проводил *не Сталин...*

В высшей степени уместно сказать и еще об одном факте. В 1934 году была издана книга, которая не раз поминалась в последнее время, – книга, воспевшая Беломорканал¹⁵, то есть концлагерь, где погибали цвет русского крестьянства и многие деятели русской культуры. Писатели воспели этот канал так, что и до сих пор существуют (правда, сейчас их не купишь...) папиросы «Беломор», – хотя это все равно как если бы в Польше продавались сигареты «Освенцим»... Так вот: среди воспевших «Беломор» писателей были помимо рапповцев также и левовцы, «серапионы», «южнорусские», конструктивисты (Шкловский, Перцов, Зощенко, Вс. Иванов, В. Катаев, Гехт, Славин, Агапов, Зелинский, Инбер и т.п.). Но не было никого из «перевальцев» и «крестьян». И это отнюдь не случайность...

* * *

В сочинении Стреляного проблема «национального сознания» предстает чуть ли не как некая «патология». Но на са-

мом деле именно такое восприятие национальной идеи является поистине идиотским извращением. Ибо, скажем, писатель, претендующий на подлинную высоту – то есть в конце концов на *всемирное* значение своих творений, должен или, вернее, не может не осознавать свою страну, свою родину как *абсолютную* ценность и как центр, как сердце целого мира. Если же сам писатель или его страна, так сказать, не «созрели» для того, чтобы сознавать себя *сердцем мира*, перекрестьем его стержневых судеб и устремлений, литература не может подняться до высшего своего уровня.

Я избираю своего рода девизом этой части моего сочинения отмеченное духом *величия* (не побоюсь столь ответственного слова!) стихотворение литовского поэта Марцелиюса Мартинайтиса – стихотворение, в котором Литва предстает как трагическое сердце мира – мира во всей полноте его пространства и времени. Да, эта столь малая Литва поэтически утверждена как центр всей мировой трагедии – и без такой основы творческого сознания рождение истинного поэта невозможно...

Марцелиюс Мартинайтис
НОЧЬ У ЖЕМАЙТИЙЦА КУКУТИСА*

За лесом, за лесом, за горкой двугорбой,
Где дремлет сова у заглохшей дороги, –
Почти что слепой, не живой и не мертвый,
За лесом Кукутис живет одноногий.
Покуда в печи занималось полено сырое –
Могилы осели и стали ржаветь аркебузы,
В округе слышались первые вести о Трое,
И радио сообщило, что вымерли прусы.
Покуда леса наступали и шляхта слабела –
Мы выпили за ночь полжизни, такой небогатой.
Я тихо и грустно подмигивал то и дело

* Жемайтия – западная часть Литвы; Кукутис (кукушонок) – фольклорный образ «патриархального» литовца.

Единственной дочке хозяйской – красотке горбатой,
Покуда ее охмурял, старика беспокоя, –
Германия пала, калеки вернулись по рельсам,
И я поседел, и мы думали: что там такое –
Костер за рекой или это Париж загорелся?
Пока постигали, что мы у границы бескрайней,
Горбунья молилась в углу, испугавшись кометы.
Покуда крестилась – распались державы и страны,
Подошвами к северу в землю легли самоеды.
Пока он по-жмудски шептал на немецком,
на польском, на русском, –
Как лось, заревел паровоз в перелеске уныло.
И запылали поместья, когда при мерцании тусклом
Хозяйка в чулане постель для меня постелила.
И – замолчала политика. Джаз передали из Кельна –
Как кони, заржали в ночи саксофоны, ликуя.
Полжизни прошло, и нам стало не сладко, не больно –
Ни «данке» за Пруссию, ни за Варшаву «дзенькуе».
Покуда Кукутис прилаживал правую ногу –
Фитиль зачадил и земля содрогнулась от гула.
Столетье петух прокричал и затих понемногу –
Одна только ночь промелькнула.

Авторизованный перевод Г. Ефремова

Как-то критик Б. Сарнов не очень продуманно написал¹⁶, что, мол, Осип Мандельштам, оказавшись в 1934 году в ссылке, под тяжким «давлением» «страшно перестроился» и поверил в величие судеб русского народа, что и привело его *как поэта* к печальным последствиям (См.: Огонек, 1988, № 47). Не приходится говорить о том, что эта версия, в сущности, оскорбительна для поэта (ведь одно дело – «приспособляться» к *чему-то в жизни*, и совсем другое – в святом деле творчества). Но этого мало. Б. Сарнов – то ли из-за своей «тенденциозности», то ли по незнанию – исказил реальность. Ведь еще за двадцать лет до своей ссылки Осип Мандель-

штам писал¹⁷, что «русский народ единственный в Европе не имеет потребности в законченных, освященных формах бытия» и вносит в европейский мир «необходимости» высшую «нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею возвращенный. Эта свобода... равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры».

Без этой закваски русского *мессианства* поэзия Осипа Мандельштама безусловно немислима, и только штампованное сознание, тупо ищущее везде жупел «мессианского национализма», не видит этого.

Крайне сложен вопрос о соотношении русского мессианства и революции (во всем ее объеме); общественность явно еще совсем не готова, чтобы его действительно решать. Большинство «решающих» попросту переворачивает на 180 градусов свои (или своих родителей) не столь уж давние представления.

Но чего заведомо не следует делать – и стыдно делать – это пытаться без всяких оснований приписывать свое сегодняшнее отношение к революции тем или иным авторитетнейшим писателям. Один из них писал о «Великой русской революции, обессмертившей Россию, и которая... вытекала из всего русского многотрудного и святого духовного прошлого», и так обращался к своим зарубежным читателям¹⁸: «Вот за что скажите спасибо нам. Наша революция, как бы ни были велики различия, задала тон и вам, наполнила смыслом и содержанием текущее столетие».

Это написал не кто-нибудь, а Борис Пастернак, и написал не в 1917, 1927, 1937-м и т.д., но в 1957-м, то есть после «Доктора Живаго» и уже незадолго до смерти. Могут возразить, что Пастернаком владела «иллюзия». Но даже если это и так, в его иллюзии неизмеримо больше смысла, чем в выкриках сегодняшней, пользуясь словом Лосева, «шпаны», которая по-прежнему занята оплевыванием трагического – пусть даже безмерно трагического (напомню, что Лосев писал о «великой и страшной» Родине) – величия русской истории.

Те, кто сегодня поносит Россию, – прямые наследники певцов Беломорканала, представители – воспользуюсь появившимся на страницах «ЛГ» чужим словечком – «тухляндской литературы»¹⁹ (употребивший сие словечко, конечно, не хотел обозначить им себе подобных; но здесь совершенно уместно напомнить евангельское: «ты сказал»). «Тухляндцы» пытаются, допустим, цепляться за Пастернака, но ведь он справедливо написал о своей творческой цели в 1959 году, на пороге смерти:

Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей...²⁰

* * *

И последнее. Стреляный много наговорил об «имперской» сущности России. Но его суждения не выдерживают никакой критики, поскольку все они исходят из совершенно несостоятельного положения, согласно которому на свете будто бы есть «имперские» по самой своей природе нации. К таковым, по его мнению, принадлежат русские и немцы...

Это могло произвести впечатление или на совсем необразованных, или же слишком забывчивых читателей. Ведь не надо уходить далеко в глубь истории, чтобы вспомнить о Французской, Британской, Австрийской, Турецкой, Китайской, Японской и других империях, всецело соответствующих этому понятию.

Возникновение той или иной империи определяется соотношением сил в данном регионе или мире в целом; национальное своеобразие тут совершенно ни при чем, ибо «во главе» империй оказывались в ходе истории десятки самых различных народов мира.

«Россия, – пишет Стреляный, – сейчас единственная и, может быть, последняя страна, где... уживается сознательное великодержавие с сознательным свободолобием». Что за странная слепота?! Ведь это определение *гораздо более* под-

ходит к США, нежели к России! Славящиеся именно *свободолюбием* Штаты так расправились с *коренным* населением страны, что к XX веку количество индейцев сократилось в 10 (!) раз, и эти остатки были загнаны в резервации*; далее Штаты отхватили более половины земель у Мексики (которые составили более четверти площади США) – притом земель наиболее ценных, таких как Калифорния и Техас и т.п. Наконец, непосредственно в наши дни США обрушивали свою военную мощь на крохотные в сравнении с ними Гренаду, Панаму, Ливию и т.д. Разумеется, это делалось «во имя свободы, демократии, мира, цивилизации» и т.п., но ведь то же самое провозглашала любая империя...

Стреляный среди прочего бросает – без всяких обоснований – такую фразу: «Равнодушие к своим нерусским – в крови у русских». Это, прошу извинения за резкость, совершенно вздорное обвинение. Вот хотя бы одно выразительное сопоставление: в литературе США положительно изображены лишь покорившиеся белым, «подражавшие» им во всем индейцы; непокорные же представлены как *нелюди*. Между тем в русской литературе с восхищением воссозданы как раз «немирные» кавказские горцы во всей их самобытности (см. об этом подробно в моей уже упомянутой книге «Судьба России»²¹). Словом, тезис Стреляного – не более чем злобный вымысел.

Это вовсе не значит, что в России, как и во множестве других сильных государств, не было ничего «имперского». Но нельзя не видеть, что Россия, по сути дела, была не собственно «русской», но *христианской* империей. В частности, любой христианин, совершенно независимо от своей национальности, мог занять в ней любое положение (фактов – к сожалению, известных немногим – можно привести сколько угодно – так, например, в первой половине XIX века министром иностранных дел империи был крещеный по англиканскому обряду еврей Нессельроде, в конце века еврей Перетц занимал один из высших постов статс-секретаря, а

* Чудовищная история этого беспримерного геноцида показана в изданной у нас в 1984 году книге Ди Брауна «Схороните мое сердце у Вундед-Ни».

Министерством внутренних дел при Столыпине фактически руководил – он же редактировал «официозную» столыпинскую газету «Россия» – еврей Гурлянд; не приходится уже говорить о других национальностях – о патриархе мордвине Никоне, премьер-министре (при Александре II) армянине Лорис-Меликове и т.д. и т.п.).

И уж конечно, никак не может считаться собственно «русской» та «империя», которая конструировалась после 1917 года. К. Симонов в своих предсмертных записках²² как-то вроде бы ни к селу ни к городу вспоминает виденную им за пятьдесят лет до того карикатуру, в которой он, надо думать, почуял очень существенный смысл: «На листке этом было нарисовано что-то вроде речки с высокими берегами. На одном стоят Троцкий, Зиновьев и Каменев, на другом – Сталин, Енукидзе и не то Микоян, не то Орджоникидзе, в общем, кто-то из кавказцев. Под этим текст: “И заспорили славяне, кому править на Руси...”...»

Что за странная «русская империя», на вершине власти в которой почти нет русских? А сам этот факт невозможно трактовать как некую «случайность» – слишком высок уровень власти. И обратим внимание, что в высшем руководстве «империи» *русские* заняли господствующее положение только *накануне* всем известного XX съезда... Об этом стоит задуматься!

Но дело не только в этом. А. Стреляный многократно и на все лады «вскрывает» глубокое противоречие, характерное для самых разных этапов истории России: «империя» колеблется и даже как бы разрывается между своей «русскостью» и многонациональностью и русские (это Стреляный не раз подчеркивает) то и дело подавляют «свое» ради сохранения целого. Но, ясно видя это, Стреляный совершенно не понимает, в чем тут дело.

А между тем здесь-то и заключена «разгадка» своеобразия страны. Ни в одной из множества империй, в составе которых были разные народы (Британская, Турецкая и т.д.), ничего подобного не было.

Уже говорилось, что США захватили более половины Мексики. Но разве в США когда-нибудь существовала или хоть бы намечалась проблема *национального суверенитета* тех миллионов мексиканцев, которые живут в стране? Да ничего подобного!

А в России – как настойчиво показывает сам Стреляный, – в сущности, никогда не было подавляющего другие народы господства *русских*. Иначе не было бы и того «противоречия», которое оказалось в самом центре внимания Стреляного, и он, не отдавая себе в этом отчета, доказывает то, что вовсе не намерен был доказать...

А те насилия, которые совершала, скажем, советская, большевистская, коммунистическая (назовите как угодно, но крайне недобросовестно употреблять здесь определение «русская») «империя», нанесли русским отнюдь не меньший урон, чем какому-либо другому народу.

Дилемма «Лосев – Бахтин» и розановское наследие

Читайте Розанова!

М. М. Бахтин, 1961 год.

Для ясности начну с признания, что стремление написать это краткое сочинение возникло не само по себе, а после знакомства с почти одновременно опубликованными сочинениями двух (правда, совершенно различных) авторов, один из которых прославлял Алексея Федоровича Лосева, а другой проклинал Михаила Михайловича Бахтина*. Вместе с тем надеюсь, что мое сочинение не представляет собой только «отклик», но имеет свой самостоятельный смысл.

* Тахо-Годи А. А. Лосев. М., 1997. 459 с. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 1 (22). С. 103–155. (Далее: ДКХ).